

СМ КНИЖНЫЙ РЯД

ЁЖИК, МЕДВЕЖОНОК
И ДРУГИЕ

Дети любят мультфильмы, снятые по сказкам Сергея Козлова. Вспомните хотя бы знаменитого Ёжика в тумане. Или других героев: Медвежонка, Зайца, Львенка, Черепаху... В сборник «Трям! Здравствуйте!», вышедший в издательстве «ОЛМА-ПРЕСС», кроме самой знаменитой сказки о Ёжике вошли добрые и мудрые рассказы про его замечательных друзей. И многих, многих других...

А НА НИКОЛИНОЙ ГОРЕ...

Роман Александра Червинского «Шипкинский лес» (издательство «Амфора») вызывает противоречивые чувства. Это не совсем вымысел и не совсем документальное произведение о четырех поколениях семьи Николкиных. За таким знакомым псевдонимом угадывается совсем другая, знаменитая фамилия, многие члены семьи которой стали своеобразным эталоном конформизма.

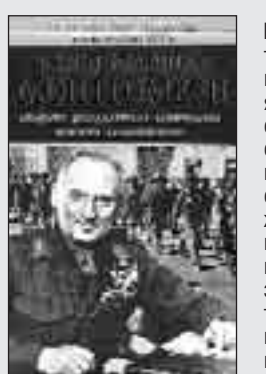
Остросюжетная канва держит читателя в постоянном напряжении, драматургия полна неожиданных поворотов, герои заставляют по-новому взглянуть на уже известные и обсужденные почти в каждой семье вопросы. Этот роман многие называют «очень русским». И с таким утверждением трудно не согласиться.

БЫТЬ МОЖНО
ДЕЛЬНЫМ ЧЕЛОВЕКОН

Автор романа «Страж» (издательство «Азбука») шотландский писатель Чарльз Маклин - человек необычной биографии и увлечений. Он окончил два элитных университета - Итон и Оксфорд. Он же - признанный знаток виски, председатель нескольких дежурствующих комиссий и даже основал специальный журнал, посвященный напитку, издал множество книг на эту тему.

Но известен Маклин прежде всего как писатель. Его литературный дебют был удостоен премии Шотландского художественного совета. Предлагаемый читателю роман шокирует и завораживает. Книга - путешествие в глубины человеческого подсознания, приоткрывающая не самые радостные и приятные тайны нашего скрытого Я.

ИСТОРИЯ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

«Фельдмаршал Монтомери» (издательство «ЭКСМО») - мемуары человека, стоящего в главе войск союзников в период сражений Второй мировой войны. Подробностями его карьеры и этапы жизненного пути в предвоенный и послевоенный период мало знакомы нашему читателю. Да и деятельность знаменитого полководца освещена в отечественной литературе недостаточно хорошо. Большой интерес представляют рассуждения автора о роли НАТО и послевоенном положении дел в Европе в начале «холодной войны».

Николай МОДЕСТОВ

САМОСУДА НЕ ИЗБЕЖАТЬ НИКОМУ

Известный театальный критик продолжает
обзор чеховских спектаклей в сезоне-2004

«Скрипка Ротшильда» - третий после «Черного монаха» и «Дамы с собачкой» опыт Камы Гинкаса с чеховской прозой, которую режиссер ставит, не переводя в драматический жанр, а лишь сокращая и монтируя текст.

Сложным по смыслу, пластическим, звуковым, световым композициям Гинкаса нужны не милые и способные молодые люди, а первоклассные мастера. Он их и заполучает в свой новый спектакль, соединяя, как уже было не раз, «чужих», со стороны - со «своими», из хорошо известной ему труппы московского ТЮЗа, где не числящийся в штате выдающийся постановщик работает с завидной ритмичностью и неизменным успехом.

Чеховскую прозу играют характерный артист Малого театра, темпераментный, телесно могучий щепкининец Валерий Баринин и один из самых утонченных мастеров сегодняшней сцены, психолог, пантомимист, лицедей, корифей тюзовской труппы Игорь Ясулович.

Баринин - русского гребовщика Якова, которого в маленьком - хуже деревни - городке прозвали Бронза. Ясулович - нищего и тощего скрипача-еврея. Система существования гребовщика - медленное ворочанье, брюзгливая гневность, свирепое ркотание о том, что кругом одни убытки. Бедняк Ротшильд - весь в движении, в бегах на посылах, в мельканиях - исчезновениях, в воровской отваге противостояния обидчику Бронзе и его могучим кулакам.

Есть и двое других участников. Точно по Чехову играет пьяницу-фельдшера Алексей Дубровский, хоть и не стариком, как в рассказе, но давно равнодушным к жизни, смерти и болезням людей.

Есть изумительная старуха Марфа - Арина Нестерова. Это она, с ее мелодичным и нежным голоском, в маленькой, пронзительной и трогательной роли - истинная «скрипка» в спектакле. (Вместо скрипки, принадлежащей Якову, у Гинкаса - обыкновенная пила.)

Оттого, что слов у старухи мало, запоминается каждое. Радостно и без страха, с облегчением сказанная фраза: «Яков! Я умираю!» И напоминание о давним-давно умершем белокуром ребеночке, которого муж не помнит. И видение зеленой вербы на берегу реки, возле которой молодыми они сидели и пели песни.

Начало - в «МС» № 28

Высохшая верба белеет стволем, чернеет огромным дуплом посреди композиции из гробов, выстроенной постоянным художником Гинкаса и Яновской - Сергеем Бархиным.

Гробы не страшные - не черные, а некрашенные, из свежеструганого дерева, вперемежку с такими же досками. Не совсем гробы - заготовки. От самых больших, которые грузный и громадный Бронза - Яков делает по собственному размеру, до маленьких «корытцев», где перекачивается бревнышко, напоминая об умершем младенце.

За гробами прячется от опеух соседа-мучителя тощий еврей Ротшильд. Среди гробов пребывает, в общении с ними живет, пробует чистую их поверхность рудой, соседует, спорит с ними, яростно втыкая в плоскость лезвие топора, гребовщик Яков.

С розовым, мрачным и возбужденным лицом, обнаженными руками, мощной шеей и бело-розовым торсом совпадая с фактурой и цветом гробов, одноприродный им. Не человек, а заготовка человека, наподобие поставленных художником вертикально колод.

Его разговор переработанной прозой (от первого лица, разрозненными репликами и от автора-рассказчика, с логичными, внезапными прерываниями фраз, паузами тишины; взмывающей вопросом, а не понижающейся к финалу интонацией) вызвал гнев у части критиков. Эдакую обиду за Чехова и за русский язык. Хотя подобный способ сценической речи - от себя, как в драме, и о себе - от автора-наблюдателя, описателя, рассказчика, по законам эпоса - в сегодняшнем не только условном, но и реальном театре не новость. Так или почти так разговаривают в Школе драматического искусства у Анатолия Васильева, в пушкинском стихе открывая новую музыкальность, новые объемы времени и пространства, взрывляя пласты смысла, пропущенные поколениями.

Так говорят и у самого Гинкаса в его чеховских «опусах». В «Скрипке Ротшильда» принцип интонационно и синтаксически перестроенной прозы доведен до кульминации, радикален более, чем прежде. Но здесь и цели иные, нежели в «Черном монахе» или «Даме с собачкой».

Странная речь соответствует критическому - на порогице небытия - состоянию гребовщика Якова. Смерть жены - старухи Марфы, предчувствие собственного конца порождают смещение мыслей и слов, попытки увидеть себя со стороны и бросить последние обвинения - жизни, прожитой в убыток отнюдь не в дежнем только смысле. Но гребовщик косноязычен столько же в слове, сколько и душой.

В спектакле Гинкаса Яков не умеет, не успевает пожалеть замученную им же старуху, хотя и тащит ее, положив на оструганную гребовую доску, к фельдшеру, и делает все, что надо, и просит пьяницу о помощи, и громкогласно (а не шепотом, как у Чехова) возмущается, что лечат лишь богатых.

После похорон жены неразвитый ум его шалает и гребовщик тягостно, страшно, невесело гуляет среди гробов.

Характерный в творчестве Гинкаса мотив опоздания, несвершения человеком любви, душевного очищения или раскаяния присутствует и в «Скрипке Ротшильда».

Трезвый, зачастую обвиняемый в жестокости, режиссер не тешит нас надеждой. Его мучительный спектакль лишен трогательности и чувствительности. Он не о страхе смерти, ибо гребовщик - Гинкаса и Валерия Баринина - смерти не боится. И не о том, «когда мы, мертвые, пробуждаемся». Скорее о муке ложно прожитой жизни, о подведении итогов и самосуде, чего не избежать и развитому, и темному человеку перед тайной небытия.

Отступая от Чехова, Гинкаса почти не напоминает о том, что у гребовщика есть странный в грубом и неразвитом существе дар игры на скрипке. В это не верится. Верится, что Яков - Бронза - мастер по гробам. Талант скрипача - у еврея Ротшильда, который, бесшумно взобравшись на верх высохшей вербы, художной, локтями, коленями, острым профилем из-под шляпы, прозрачными длинными пейзажами напоминающая старую замученную птицу, наигрывает печальные мелодии (музыка Леонида Десятникова).

У Якова есть лишь скрипка. Без дара, без права играть на ней. Может быть, оттого режиссер в спектакле и подменяет ее обыкновенной пилой, что скрипка для гребовщика - полезность, инструмент почти такой же, как необходимый ему в работе рубанок.

Живое и божеское не успевает проснуться в гребовщике, но словно бы просится наружу. Мысль об ограниченности, временности земного бытия и о том, что человек должен иметь какое-то другое существование, но не имеет его, мучительно и смутно бродит в Якове перед смертью. Но единственно добрый поступок он все-таки успевает совершить. Отдает ценность, скрипку-пилу, чудом, им же обижаемому и унижаемому, но чем-то близкому человеку - еврею Ротшильду. Финальный апофеоз их соединения, кружения в нелепом трогательном танце - это уже из предсмертных видений-миражей гребовщика.

Трагический, трогательный рассказ прочитан режиссером через Чехова, с его тоской по естественному, неискаженному человеку с душой. Но и через Толстого, который Чехова любил и понимал.

Вера МАКСИМОВА

ЧУХРАЮ ВСЕГДА ВЕРИШЬ

Действие нового фильма Павла Чухрая «Водитель для Веры» происходит в начале шестидесятых, когда заканчивалась хрущевская оттепель. Если вы жили в те годы, ощутите ностальгическую прелесть воспоминаний. Вроде бы приоткрылся железный занавес, но... Смотришь фильм, и вспоминаются слова Аркадия Гайдара: речь идет не о войне, но о событиях столь же серьезных, как война. На экране самая настоящая трагедия.

он играет! Даже не надо знать предысторию, биографию его героя. И так ясно: боевой генерал, доблестный, неподкупный, из тех, что отстояли нашу страну. Никаких врагов не боится. Потому что уверен: всех раздавит. А против зла, сокрушившего любимую дочь, бесценен. Не побоюсь признать: Богдан Ступка в этом фильме создал образ, подобный королю Лиру - по силе отцовской любви.

Достоин партнером великого актера стал Андрей Панин. Да, он уже звезда не взошедшая, а ярко сияющая. А тут, играя на полутонах мерзавца-осо-

биста, притворяющегося душкой, ну таким тонким актером себя проявил!

Самая трудная роль у Игоря Петренко, сыгравшего шофера. Тут и сказывается интереснейшая внутренняя, я бы сказала, детективная интрига фильма. Вот за чью душу особенно рьяно воюют силы добра и зла. Игорь Петренко сыграл эдакого Жюльена Сореля. И карьериста, и жертву (у парня было очень тяжелое детство). Но Жюльену Сорелю до генеральского шофера далеко. Этот парень куда как более крупный интриган - Талейран да и только. И когда приходишь к выводу, что все-та-

ки он большой негодяй, он вдруг предстает... героем.

Фильм «Водитель для Веры» необычайно интересен неожиданностью поведения, проявления характера. При всей трагичности сцен, предшествующих финалу (сотрудники спецслужб убивают генерала, который крупно насолил кому-то из высших чинов органов безопасности, и речь идет только о политических интригах, убивают только что родившую и поверившую в счастье Веру), сам финал удивляет оптимизмом автора. Юный карьерист, не боясь быть убитым, спасает новорожденную девочку. Чужого ребенка. Но и серый капитан, хладнокровно спланировавший убийство, пощадил и шофера, и ребенка. Прекрасная сцена, прекрасный актерский дуэт Панина и Петренко. Очень сильные эти кадры: борьба, которую ведет сам с собой капитан, переживая интригу: человека, готового к тому, что эти минуты - последние. И даже кагэбэшная стерва из челяди, увидев измученного парня, в которого тайно влюблена, с ребенком на руках, поняв, чей ребенок и что случилось, берет к себе новорожденную девочку. С каким же напряжением зритель следит за тем, какими окажутся в конце концов все эти люди!

Можно сказать, что Павел Чухрай слишком благодушно настроен по отношению к роду человеческому. Можно сказать, что не захотел быть слишком жестоким по отношению к зрителям. Ибо такое поведение персонажей вроде бы нелогично. Как бы то ни было, финальный сюрприз в развитии характеров, считайте его драматургической, психологической натяжкой или нет, думаю, вызван верой автора в победу сил добра на этом ринге, имя которому - Россия. Думается, если бы волею Павла Чухрая все оказались мерзавцами, зрители бы поверили - настолько мастерски все в картине сделано. Но побеждает свет, и зритель тоже в это верит.

Елена БЕЛОСТОЦКАЯ